

КАРМЕН ЛУНА

РАЗВОД С ИСТИННОЙ

Изгнанная жена-попаданка
графа Дракона

Кармен Луна

**Развод с истинной. Изгнанная
жена-попаданка графа Дракона**

«Автор»

2026

Луна К.

Развод с истинной. Изгнанная жена-попаданка графа Дракона /
К. Луна — «Автор», 2026

Иду я, значит, домой. С анализами. Приговор в руках — бесплодна. Отлично, день удался. Рыдая в голос, выдала в небо драматическое: "Да согласна я хоть на ад, хоть на смерть, хоть на дьявола, лишь бы родить ребёнка!" Дьявол оказался пунктуальным. Трамвай сошел с рельс, мир мигнул — и здравствуй, женская логика: открываю глаза и рожаю. Двойню. В болях, панике и полной потере ориентира. Меня зовут Елена — точнее, звали. Теперь я Луна, жена лорда Блэйка, которого я даже не выбирала. Он, кстати, красавец. Высокий, холодный, чёрные волосы до плеч, глаза цвета расплавленного золота. И дракон. Буквально. Ну, и как любой уважающий себя властный зверь, он, конечно, тут же объявил, что заберет только сына. Девочку и жену — вон. Что я могу сказать? Тепло тут у вас в изгнании. Особенно ночью, с младенцем на руках, без еды, без сил, без понимания, как я вообще оказалась в этом фэнтезийном дурдоме. А дальше дальше начинается самое интересное.

© Луна К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кармен Луна
Развод с истинной. Изгнанная
жена-попаданка графа Дракона

Развод с истинной. Изгнанная жена-попаданка графа Дракона
Кармен Луна

Глава 1

Елена

Я вышла из клиники, как из морга: в руках — белый конверт с диагнозом, по тяжести сравнимый разве что с похоронным венком мечты, в голове — были тревожные сирены, и где-то глубоко, на уровне костного мозга, всё вымерло, опустело, как старое подzemелье, где погасли магические светильники и кто-то утащил последнюю банку растворимого кофе. Не эспрессо, заметьте. Кофе. Растворимого. Даже на утешение не осталось.

Я шла. Или меня несло? Или я просто плыла по течению городской серости, как пластмассовый пакет без мечты? Трудно сказать. Ноги работали на автопилоте, у них, в отличие от меня, ещё были планы на жизнь — возможно, дойти до дома, не свалиться в лужу и не врезаться в припаркованный самокат. А вот мой мозг, обожаю его, тот полностью ушёл в режим перегретого чайника: он шипел, вибрировал, но никакого ясного решения не выдавал. Зато в голове звучал гениальный вопрос: «И чё теперь?» И чё. Правда.

Мимо проходили люди — с кофе, с детьми, с собаками. Кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то орал в телефон так, будто пытался провести экзорцизм через гарнитуру. А у меня в руках был конверт, и я никак не могла отделить написанное в нём от собственной жизни. Врач говорила о диагнозе, а я слышала только одно: всё, чего я так хотела, больше не случится. Слёзы текли сами собой — тихая, почти незаметная утечка надежды.

В ушах звенело. Перед глазами плыли строки заключения. Врач ещё что-то объясняла, предлагала обсудить дальнейшие обследования, но я ушла из кабинета с одним словом в голове. Бесплодие. Оно заглушило всё остальное: и её осторожные оговорки, и мою способность спрашивать. Мне чудился траурный марш по детскому смеху, которого я не услышу, по волосам, которые не заплету, по имени, которое не произнесу.

И знаете, в такие моменты не нужно драматичной музыки. Мир сам становится черно-белым, как дешёвая артхаусная драма, только без премии и зрителей. Вокруг — город, как обычно. Но для тебя он — мозаика разбитых окон, которых не существует. Ничего не изменилось. И всё изменилось. Страшно, да?

Я дошла до перекрёстка. И остановилась. Перед пешеходным переходом, как перед бездной. Машины проносились, и мне было всё равно. Было бы ветрено — волосы бы развевались, как у героини в конце трагедии. Но ветер, конечно, знал, когда не приходить. Даже небо сдержалось от драмы. Только я стояла — с белым конвертом в пальцах, выдавленным, как последний нерв из души, и всё.

И это было только начало. Спойлер: хуже может быть всегда. А я, в своей наивной безысходности, ещё не знала, что небо меня услышало. И очень даже серьёзно восприняло мой внутренний крик. Только вот ответ его был... ну, скажем так, весьма специфическим.

Я вчитывалась в заключение, будто от этого в нём могло появиться что-то другое. «Извините, мы ошиблись, вы беременны тройней, и один из детей — будущий лауреат Нобелевской премии». Но буквы не менялись. Бесплодие. Одно слово. А мне казалось — вся оставшаяся жизнь.

Формулировки в заключении были длинными, незнакомыми, почти вежливыми. Я цеплялась за них и всё равно слышала приговор. Будто кто-то взял чертёж моей жизни и перечеркнул единственную строку, ради которой я терпела всё остальное. Несправедливая мысль. Жестокая. Но в тот день я была слишком раздавлена, чтобы спорить с собственной болью.

И знаете, что было хуже всего? То, как эта новость ударила не по телу, а по мечте. Маленькой, домашней, тихой мечте, которая когда-то жила в глубине души и пахла свежими варениками, младенческим кремом и утренними мультиками. Я не мечтала о великом. Я мечтала о детском лбу, прижатом к моему плечу в три часа ночи. О растрёпанной косичке и капризах в

магазине. О слове «мама», сказанном с шепелявой интонацией первых лет жизни. И о том, как я варю компот и говорю: «Не лезь руками в сахарницу, сначала обед».

И вот эти мечты — они испарились. Нет, не испарились. Сгорели. Как письма Санта-Клаусу в камине, когда ребёнку впервые говорят, что дедушка с бородой — это дядя Коля с перегаром. Они исчезли.словно скидки на алименты в День холостяка. Было — и нет. И никакая карта лояльности тут не поможет.

У перехода стояла скамейка. Я опустила на неё, стиснув конверт, и уставилась на свои руки. Куда теперь девать всю эту любовь, приготовленную для колыбельных и сказок на ночь? Как заставить сердце не рваться на части, если оно уже ждёт того, кого ещё даже нет?

И вдруг стало страшно. Так по-настоящему. Как будто я — последняя женщина в мире, оставшаяся без ребёнка, и все остальные уже ушли по своим мамским делам: собирать лего, вытирать сопли, ругать за плохие оценки. А я осталась здесь. С белым конвертом. С пустотой. С диагнозом, который никогда не станет просто словом.

Телефон зазвонил. Алёша. Перед приёмом я по старой привычке написала бывшему, что наконец получу результаты. Зачем — сама не знала. Наверное, какая-то жалкая часть меня ещё надеялась услышать человеческое слово. Он спросил, что сказал врач, и я ответила одним словом. Зря.

Я слушала машинально. Глупо. Очень глупо. Ошибка уровня «нажал кнопку самоуничтожения, думая, что это чай».

— Я всегда знал, что ты бракованная, — сказал он.

Спокойно. Как будто не изрыгал сейчас фразу, достойную входа в анналы ада. Как будто выносил не окончательный приговор, а выбирал тюль в гостиную.

И вот что интересно. Это он — «всегда знал». А я вот, дурочка, не знала. Готовила ему супы, стирала его майки с пафосными надписями типа «Король жизни», гладила его рубашки, верила в «мы», в «будущее», в «детей» — и в то, что любовь не заканчивается, как срок действия молока. А оказывается, заканчивалась. Причём, строго по графику и без права продления.

Я отключилась. Не от звонка — от мира. Всё стало серым. И нет, не в метафорическом смысле, а буквально: краски, словно оскорблённые за мою наивность, покинули окружающее пространство. Птицы, будь они неладны, устроили траурный концерт прямо над головой. Такой красивый, такой эпичный — с залиvistыми трелями в миноре. А на небе медленно проплывало облако. Не просто облако, нет — идеально выверенной формы эмбрион. Спасибо, Вселенная, за чувство чёрного юмора. Очень тонко. Почти как ножом по ребру мечты, аккуратно, со знанием анатомии.

Я встала. Медленно. Не просто встала — поднялась, как античная героиня в финале трагедии, когда всё уже умерло, кроме гордости и театральности. Моя поза была столь торжественна, что, будь рядом Олимп, боги бы аплодировали. Подняла лицо к небу, глянула в холодные, равнодушные небеса и вздохнула так, чтобы каждый слой атмосферы понял: сейчас будет драма.

— Слышишь меня? — выдохнула я. — Кто бы ты ни был... Бог, демон, сценарист моей жизни или недовольный редактор с косой...

Голос дрогнул. Но я собралась.

— Слышишь?! Я согласна. На всё. Хоть на перерождение. Хоть на ад с вилами. Хоть на сатану с ипотекой.

Я шагнула вперёд, как в бездну, и выкрикнула:

— Хочешь душу? Забирай! Хочешь жизнь? Пожалуйста! Только дай мне ребёнка!

И в тот момент, в этот тонкий, переломный, шекспировский миг, мир — застыл. Ветер стих. Облако, тот самый эмбрион, завис над головой, словно ждало: «Точно? Без возврата?». И я кивнула. Да. Точно. Без возврата. Только дай. Только пусть будет.

Я не знала, что небо слышит. И что оно умеет отвечать. Только по-своему. Только жестко. Только в момент, когда ты думаешь, что это был просто крик в пустоту.

Спойлер: не в пустоту.

Я пошла домой. Не так, чтобы прям домой-домой — с радостью в сердце, сумкой с покупками и планами сварить борщ на три дня вперёд. Нет. Я пошла туда, где числилась прописка, где стены знали все мои истерики, где ещё хранились вещи бывшего, потому что руки не дошли сжечь, и где цветы на подоконнике окончательно загнулись от тоски и отсутствия смысла.

Шла, как автомат, как человек, которому кто-то вшил программу «вперёд шагать, назад нельзя, эмоции — отключены, но не полностью». Мир вокруг был серый, как кофе без сахара и молока, с привкусом горечи, осадка и ощущения, что где-то в прошлом была ошибка, причём не одна. Воздух пах ноябрём, хотя за окном стояла середина весны. Вот такое у меня настроение было — сезонное, с промозглым душевным ветром и внутренними ливнями, переходящими в шторм.

Я шла и думала. А точнее, не думала вовсе. Просто двигалась, будто моё тело решило: раз душа ушла в декретный отпуск без права возврата, придётся выполнять базовые функции самостоятельно.

И тут — он.

Трамвай.

Красный. Огненный. Как ярость. Как удар судьбы в лобешник. Как последняя капля, что падает в душевную чашу и устраивает в ней цунами.

Он мчался по рельсам с такой убеждённости, будто лично меня ждал. Вон он — приближается, гудит, сверкает, будто исполинское механическое сердце, выбившееся из груди городской жизни. Красный, как гнев отвергнутой богини, как кровь нереализованной любви, как губная помада, которую я больше никогда не надену. Мощный, как рок, который никто не заказывал, но все получили. Неистовый, как женская боль, стиснутая в один короткий, но все-ленский момент, когда ты понимаешь, что будущее, которое ты рисовала себе в голове, — с детскими смехами, вязаными пинетками и магнитиками «мама года» — развалилось, как карточный домик при урагане.

На повороте раздался металлический визг. Передняя тележка сошла с рельсов; красный вагон качнулся и рванул к тротуару. Прямо на меня.

И я смотрела на него.

Без страха.

Без мыслей.

Не успевая отойти в сторону.

Я хотела отскочить. Честное слово, хотела. Но ноги будто приросли к плитке: чужой крик, звон стекла, красный бок вагона — всё обрушилось одновременно. Между «надо бежать» и ударом не осталось времени.

И в этот момент... я успела подумать лишь одно.

«Если ты — ответ, Вселенная... то у тебя странное чувство юмора».

А потом — был свет. Или тьма. Или нечто третье. Но я уже не шла домой.

Я шла — куда-то совсем в другую сторону.

Глава 2

Луна

Я вынырнула из темноты. Не просто так — по щелчку пальцев или ласковому шёпоту рассудка. Нет. Меня выдернули наружу грубо, без церемоний, словно вытаскивая утонувшую куклу из болота, да ещё и мимоходом обвинив в том, что она сама туда залезла. Первое, что я ощутила, — боль. Сырая, бездушная, такая, что ею можно было бы намазать на хлеб и подавать к чёрному кофе без сахара. Второе чувство? Боль. Только немного смещённая — ниже рёбер, с острыми гранями и обещанием новых уровней страдания. Третье... ну, тут я уже почти обрадовалась своей догадливости: да, опять боль. Только теперь с бонусом — будто кто-то внутри меня решил сыграть в квест «Вырвись наружу любой ценой».

Я попыталась вдохнуть, чтобы как-то успокоить этот хаос. Ха. Наивная. Воздух застрял в горле, словно решил поиграть в прятки. Лёгкие сжались, грудная клетка предательски сдавилась, а мозг с мерзким упорством начал транслировать одну-единственную мысль: «Что-то не так».

И вот тут я заметила руки. Мои? Тонкие, почти прозрачные, совсем чужие. Я подняла одну, и к пальцам прилипла мокрая прядь. Рыжая. Я видела эту медь в дрожащем свете, хотя мои волосы всегда были каштановыми. И живот — огромный, тяжёлый, живой. Не мой. Ничего здесь не было моим, кроме ужаса.

Медленно, очень медленно до меня начало доходить. Я лежу. Потеею. Мучаюсь. Пыхчу, как старый паровоз на последнем издыхании. И что-то внутри меня... рвётся наружу.

— Тужься! — гаркнул голос сбоку.

Я вздрогнула. Повернула голову — и встретилась взглядом с женщиной, у которой лицо было, как у тренера по каратэ, только вместо пояса у неё был передник. Она нависла надо мной, угрожающе указывая пальцем куда-то вниз, туда, где происходил... апокалипсис.

— Давай, Луна! Ещё немного! — повитуха приободрила меня, хотя сама была бледна от напряжения.

Луна? Мозг споткнулся. Кто такая Луна? Почему Луна? Я Елена! Последний раз проверяла — точно Елена, с квартирой в спальном районе и диагнозом, который не оставлял ни малейших шансов на такие... перспективы.

Но боль. Эта неумолимая, зверская боль. Она захватила всё пространство. Кровь стучала в висках, глаза застилало слезами, а тело — предатель, чёртов предатель! — слушалось этих команд. Я тужилась. Да так, что думала, из меня вылезет не ребёнок, а целая стая демонов, с билетом обратно в ад.

Где я? Кто я? Почему?! В голове вихрем крутились мысли, одна глупее другой: может, это кошмар? Или я умерла и попала в средневековый роддом? А может, это розыгрыш, и где-то за углом притаились камеры и мерзко хихикает ведущий? Но нет. Всё было слишком реально. Боль не притворялась. Она играла по-настоящему, без дублёров.

Мир вокруг раскачивался, лица мелькали размытыми тенями, воздух пропах кровью и потом. Я сжала простыню с такой силой, что казалось — сейчас порву её, как рвут лотерейный билет, узнав, что выигрыш ушёл к кому-то другому.

Не моё тело. Не моя жизнь. Не моя боль... но мои крики. Мои слёзы. Мои роды.

Вселенная, ты там серьёзно?

Ты слышала меня тогда, у трамвая?

Ну что ж... поздравляю, мать твою. Исполнила желание. Только, как всегда, с подвохом.

Меня выворачивало так, что я искренне подозревала: внутри меня вовсе не ребёнок, а полноценный дракон. Причём не какой-нибудь там миленький дракончик с глазами-бусинами и пухлыми щёчками, а древний, зубастый, чешуйчатый монстр с принципиально плохим

характером и чувством юмора уровня «сожгу деревню за кашель». Каждое сокращение матки — как удар кузнечного молота по нутру. Я орала так, что стены дрожали, а, клянусь, где-то в углу потолка даже побелка осыпалась от моего вопля. Если бы это был хоррор, сейчас бы наверняка сработала сигнализация, и дом бы эвакуировали. Но нет, это был мой личный ад — камерный, без зрителей и с очень специфическим звуковым сопровождением.

Голова гудела, как будто внутри застрял целый рой пчёл, которые спорят, кто будет главным. Мысли прыгали, как блохи на горячей сковородке: «Это что за сериал? Кто режиссёр? Где сценарист этого кошмара?! И, мать его, где СТОП-СЛОВО?!» Я понятия не имела, что за жанр я тут снимаю — фантастика, хоррор, роддомный реализм или чёрная комедия. Но судя по уровню боли, это был ещё и боевик, где моё тело решило устроить глобальную забастовку с погромом и разрушением всего внутреннего имущества.

Руки вцепились в простыню так, будто она была последней соломинкой, за которую я ещё могла удержаться в этом шторме. Правда, «вцепились» — громко сказано. Луна, в чьём теле я теперь временно обитала, была явно не чемпионкой по армрестлингу. Руки худые, слабые, словно вырезанные из бумаги, и от этого ещё обиднее: ну как же так, ты тут жизнь рожаешь, а тело как будто решило отдохнуть на бровке поля, подбадривая меня мысленно и не особо напрягаясь.

Боль раздирала меня пополам, потом ещё раз — на всякий случай — по диагонали. Я уверена, что где-то в параллельной реальности прямо сейчас аплодировали все богини плодородия и родовспоможения, улюлюкая: «Вот это спектакль, девочка! Классика жанра!» Я уже не кричала — я редела, как раненый зверь, одновременно сжимаясь и расплываясь от ужаса, страха и полного отсутствия контроля. Казалось, сама Вселенная решила меня протестировать: «Хотела ребёнка? Ну вот, получи! Полный комплект ощущений, без фильтров и скидок».

И где-то в этом вихре боли, крика и отчаяния я ещё успевала мысленно стонать: «Ну почему, почему нельзя было всё это сделать в нормальных условиях? С родовой палатой, эпидуральной анестезией и хотя бы Spotify с расслабляющей музыкой?!» Но нет. Видимо, для меня выбрали версию «Хардкор с элементами фэнтези». Уровень сложности — «Без права на лёгкий путь».

И всё же я тужилась. Я старалась. Потому что знала: назад дороги нет. Ни домой, ни в прежнюю жизнь, ни даже в тот мир, где боль можно было отложить на завтра. Тут и сейчас. Только вперёд. Только через ад. Только в неизвестность.

И вот оно — кульминация. После всей этой феерии боли, отчаяния и мольбы о милосердии, разрезавшей меня на миллионы дрожащих кусочков, пространство вдруг... лопнуло. Словно кто-то огромный хлопнул ладонями, встряхнув мир до основания. Раздался первый крик. Оглушительный. Пронзительный. Такой, что даже мои изнемождённые нервы вздрогнули и попытались спрятаться где-то за печёночкой. Этот крик был настолько громким, что, кажется, сама Вселенная присела от неожиданности, сжав в ладошки уши.

Я успела лишь подумать: «Ну всё, поздравляю, ты мать!» — как повитуха снова наклонилась ко мне. Рано. Ещё один ребёнок. Схватка скрутила меня прежде, чем я успела испугаться, и пришлось снова тужиться, цепляться за простыню, выталкивать из себя крик вместе с последними силами. Только спустя несколько мучительных минут к первому плачу присоединился второй.

— Мальчик, — с облегчением выдохнула повитуха, укладывая первого малыша в руки помощницы. А когда родился второй, в её голосе послышалось усталое удивление:

— Девочка. Луна, ты справилась.

Меня укрыли чистой простынёй. Женщины продолжали возиться у кровати, переговариваться, проверять, всё ли закончилось благополучно, а я не могла отвести глаз от двух свёртков.

Я... не поняла. Стоп. Что? Что-что?! Двойня?! Да вы серьёзно?! У кого в сценарии прописан этот трэш? Я же просила всего одного ребёнка! Одного, мать вашу! Скромненько так,

по тарифу минимум! А мне, видимо, Вселенная решила выдать бонус-пакет с пометкой «Две по цене одной души». Боги, вы что, решили отыгаться за все мои жалобы разом?

Лежу, распластанная, как выжатый лимон, который кто-то с ненавистью выкинул на край тарелки после последнего глотка чая. В теле нет ни капли сил. В душе — вакуум. Только глаза бешено бегают по сторонам, пытаюсь зацепиться за хоть что-то понятное. Ну а мозг... тот вообще отключился на перезагрузку и мигнул синим экраном с надписью: «Ошибка системы. Перезагрузка через неопределённое время».

И вот в этом тумане, в этой жуткой иронии судьбы, до меня постепенно, медленно, как капли воды сквозь трещину в стене, начинает доходить: я... стала мамой. Я. Стала. Мамой.

Причём не просто мамой. А сразу дважды. За один день. Без инструкций. Без подготовки. Без даже проклятой чашки чая, чтобы перевести дух. Двойной фейерверк по заказу, сюрприз-пакет «Будь сильной, девочка».

И я, вся эта расплющенная масса боли и обессиленной радости, пытаюсь ухватиться за мысль: ура?... Или это уже поздно радоваться?... Или вообще слишком рано? Или... А к чёрту. Пусть будет ура. Хоть что-то в этом сумасшедшем мире должно быть простым.

Глава 3

Луна

Дверь распахнулась, словно сцена открылась под фанфары для самого главного персонажа пьесы — и Он вошёл. Нет, вошёл — это слишком скромно. Он появился, как гроза на горизонте: внезапно, величественно, и с таким давлением в воздухе, что у всех присутствующих, включая меня, наверняка поднялось атмосферное волнение и уровень тревожности в крови. Я даже дышать на секунду забыла, хотя и без того дышалось... скажем так, посредственно, с учётом всех обстоятельств недавнего катаклизма внутри моего тела.

Мужчина был высокий. Даже не высокий — высоченный, с той угрожающей грацией, как у хищника, который не торопится, потому что знает, что ты уже в клетке. Волосы — чёрные, густые, как ночь в пещере без единого луча света, упали на плечи с элегантной небрежностью, вызывая у меня почти физическую обиду: почему у него волосы такие шикарные, а я сейчас, скорее всего, как затравленный дикобраз? Лицо — вырезано, точёно, собрано из самых дорогих черт, но словно мраморное. И глаза...

Глаза были янтарные, но не тёплые. Нет, это было не медовое золото. Это было — расплавленный металл, в котором бурлила не ярость, не страсть, а что-то древнее, ледяное и бездушное, как замёрзшее пламя.

Он остановился в дверях, осматривая происходящее с видом человека, которого внезапно пригласили в чужой балаган, где крики, пот, кровь и новорождённые, а он пришёл — в костюме и с абсолютной уверенностью, что это всё его вообще никак не касается. Я почувствовала, как вокруг него стужается воздух. Все остальные чуть склонились, как будто он — кто-то очень важный. Повитуха рефлексивно выпрямилась и посмотрела на него с тем уважением, которое обычно оставляют для богов, королей... или налоговых инспекторов.

Он молчал. Просто смотрел. Сначала — на меня. И я в этот момент поняла, что если он и способен убить взглядом, то делает это не кинжалом, а хирургическим скальпелем. Ровно, хладнокровно, с высоты, с которой не видно пыли. Потом — на детей. Точнее, на ту сторону, где возились с плачущими свёртками. И в этот момент его челюсть чуть напряглась. Всего на долю секунды. Но этого хватило, чтобы моё внутреннее «тревожно» взвыло, как сирена.

Никто не сказал, кто он. Никто не пояснил. Ни фамилии, ни титула, ни связей.

Но всё в его взгляде, во взглядах окружающих, в самой атмосфере кричало: Он здесь не просто так.

Он — главный.

И, по жуткой иронии, он каким-то образом связан... со мной.

А я? Я понятия не имела, кто я такая. Что я здесь делаю. Почему вообще рожала. И почему сейчас всё тело — дрожит не от боли, а от чего-то куда более опасного.

И ещё одно я поняла точно.

Этот мужчина — не тот, кого стоит злить.

А мне, кажется... скоро очень захочется его ударить. Или обнять. Или оба варианта сразу.

— Ваш муж, госпожа, — произнесла повитуха с подобающим придыханием, будто не просто информировала, а выносила судьбоносный вердикт, — рвался вас увидеть. Едва успели его остановить, пока вы... — она замаялась, скосив глаза на меня, распластанную на кровати с видом пережившего как минимум битву при Хельмовой пади. — Пока вы боролись за жизнь.

Я моргнула. Один раз. Второй. Повернулась к повитухе, потом — обратно на мужчину, который всё ещё стоял в дверях, воплощение холода, гордости и «ваш кофе со льдом, госпожа».

Муж?

Муж?! МОЙ?!

Где-то глубоко внутри меня потрескалась тонкая, уже и так надломленная струна самобладания.

— Лорд Ричард Блэйк, — продолжила повитуха с напряжённой торжественностью, будто боялась неверным словом навлечь беду, — у вас родились мальчик и девочка. Хотите увидеть детей?

На секунду, всего одну, я даже затаила дыхание. Вот оно. Момент. Сейчас он подойдёт, посмотрит, скажет что-то вроде «Какие они крошечные...», может, даже прикоснётся к лбу, к руке, — и, может, может, я пойму, что в этом мраке есть место свету.

Он повернул голову. Медленно. Красиво. С той ленцой, с какой поднимают бокал, не желая отвлекаться на разговор. И выдал:

— Покажите мальчика, — произнёс он с холодным нетерпением.

Повитуха замерла, стиснув край простыни.

— Девочка мне неинтересна, — добавил он, раздражённый паузой.

И всё. Как отрезал. Как камень в лицо. Как нож в живот — второй за день, только этот — моральный, холодный, без наркоза.

Меня будто обдали ледяной водой. Нет, хуже — опрокинули в чан с жидким презрением, обмотали отвращением и добавили сверху острого «вы тут вообще никто».

Я не почувствовала — я услышала, как сердце внутри меня хрустнуло.

А потом — злость. Такая горячая, густая, как только сваренный в аду кофе. Глаза закололи от обиды, пальцы заныли от желания вцепиться в эту шелковую простынь и порвать. Не потому, что я была Луной. А потому что я была женщиной, которая только что родила — и которой с холодным лицом сказали: «Одна половина твоего подвига — брак».

Я уставилась на него. Прямо. Без испуга. Потому что страх уже сгорел. Осталась только боль. И ярость.

Вот ты кто, Ричард Блэйк. Муж, говорите?

Муж — это когда держат за руку. А не отбрасывают тень и приговаривают: «Девочка мне неинтересна».

Черствый. Холодный. Прекрасный, как проклятие, и такой же смертельный.

А я?... Я только начала понимать, куда попала. И кого судьба решила сделать отцом моих детей.

Поздравляю, Елена. Ты выиграла. Только вместо приза — лёд.

— Сына беру, — произнёс он, ровно, как будто делал заказ на доставку ужина, а не забирал только что рождённое дитя. — Девочку и жену — убрать.

Он бросил на стол подписанный лист.

— Развод оформлен, — добавил с раздражением, будто даже это объяснение было лишним. — Объявите ей, когда сможет слушать.

Я слышала. И не могла понять, как на одном листе уместились наш брак и мой приговор.

И всё. Никаких тебе драматических пауз, потухшего взгляда в мою сторону, трогательного: «Она так старалась...» или, хотя бы, лёгкой попытки симулировать интерес. Холодный приговор. Чёткий. Отточенный. Безапелляционный. Как будто он выносил не судьбы, а мусор. По расписанию. Без сожалений и лишних слов.

Что чувствует женщина в такой момент? Всё и сразу. Шок, который ударил по нервам так, что они сжались в один скомканный ком. Боль — не физическую, нет, после родов в сравнении с этим я бы и ноготь на живую вырвала, хоть три. Унижение — острое, как стекло, и липкое, как предательство.

Меня даже не спрашивают. Потому что зачем спрашивать мебель, куда её теперь переставить? К кровати подходят слуги. Мальчика поднимают чужие руки, и у меня захватывает дыхание от ужаса. Сейчас унесут. Сейчас дверь закроется, а я даже не успею коснуться его щеки.

Я пытаюсь закричать. Хочу. Кричу внутри, всеми оставшимися силами, всеми внутренними органами, потому что связки, кажется, отказались сотрудничать. Но слова... не идут. Застревают. Вязнут. Как лифт в потоке — глухо, медленно, безнадёжно. И только один звук вырывается — какой-то сдавленный хрип, жалкий, как и моя попытка что-то изменить.

Я пытаюсь приподняться, но перед глазами темнеет. Руки дрожат. Весь мир рассыпается, а я снова смотрю на него, будто его лицо ещё может измениться, будто он сейчас отменит собственный приказ.

На мужчину, который по легенде — мой муж. Который вошёл в эту комнату, как воплощение силы, мрака и красоты. Красавец, лорд, герой женских романов. Только не моих. Потому что в моём романе он — антигерой, ледяной бастион с лицом, которое хочется нарисовать, а потом сжечь. В глазах — ни искры, ни жалости, ни... ничего. Даже любопытства. Он смотрит на меня, как на неудачный штрих в картине: вроде и был, но теперь точно не нужен.

Вот оно — моё новое «счастье». Лежит, кричит, моя девочка. А я знаю о себе в этом мире только имя. Луна. Чья-то жена, которая за несколько минут стала ненужной.

И всё, что я могу — это молча сжимать губы, потому что плакать сейчас было бы слишком... человечно. А я уже не уверена, что мне позволено быть человеком. Не здесь. Не с ним. Не теперь.

Сына унесли. Просто так. Без права на прощание, на касание, на имя. Я даже не успела... я не увидела его. Только крик. И спину той, что понесла его прочь.

А мне в руки сунули тёплый, крошечный комочек, который тут же заворочался и заскулил, прижимаясь к моей груди. Девочка. Такая маленькая, такая чужая — и такая моя. Хотя бы её оставили.

Но расслабляться не дали.

— Уведите её, — прозвучало за спиной. Голос без эмоций. Холодный, как ветер с вершины ледяной горы.

Руки. Сильные, грубые. Подхватили меня под мышки, как мешок с картошкой, который уже начал прорастать и всех утомил. Я не сопротивлялась — не могла. Только крепче прижала к себе ребёнка, завёрнутого в что-то тонкое, почти бесполезное против ветра. И этот ветер — он сразу ударил, как только меня вытолкнули за дверь. Без слов, без объяснений, без остатка человеческого.

Снаружи было темно. Влажно. Холодно. И глухо.

Меня не просто выгнали. Меня вышвырнули.

Буквально. В сарай.

Сначала — за порог. Потом — через двор: двое слуг почти несут меня, ноги подкашиваются. Перед глазами мелькает серый край чужого плаща — одна из женщин набрасывает его мне на плечи и тут же отступает. Дверь, скрип, щелчок. Я в полуразвалившемся сарае. Постель — тряпки. Над головой — дыра в крыше. Обслуживание — ноль звёзд.

Я. Сразу после родов. С крошечным ребёнком.

Один на один с новым миром, где тебя приравнивали к грязи под ногами.

Где лорд — твой муж, по чьему приказу ты оказалась в этом вонючем углу.

Где сын — отнят, не взглянув.

Где ты — лишняя.

И я лежала. В сарае. На гнилой соломе.

С прижатой к груди девочкой, которую он даже не захотел видеть.

И единственная мысль, что медленно и очень чётко шептала внутри, была не о слезах.

Нет.

Она была о мести.

Ты не захотел знать её, Ричард Блэйк? Запомни это. Потому что однажды ты сам придёшь просить, чтобы она тебя узнала.

Девочка искала ротиком грудь, и я, дрожа от боли и страха, прижала её к себе. После нескольких неловких попыток она наконец затихла.

— Клара, — прошептала я, касаясь губами её лба. — Будешь Кларой. Только живи.

К рассвету пришёл стражник. Приказал покинуть владения графа; обратно к сыну не пустили. Я попыталась спорить, вцепилась в косяк, но он потянул меня наружу. Подол зацепился за ржавый гвоздь и разорвался, я оцарапала голень. На досках осталась кровь.

За воротами мне указали на тропу через болота. Я шла, останавливаясь у каждого дерева. Падала на колени, поднималась, снова шла. Сил хватало только прижимать дочь и повторять: ещё один шаг. К вечеру тропа стала совсем тёмной.

Глава 4

Луна

Знаете, что самое веселое в путешествии по болотам ночью с новорожденным ребенком на руках? Ничего. Абсолютно ничего веселого в этом нет. Но зато есть куча других замечательных вещей: комары размером с небольших птеродактилей, трясина, которая с энтузиазмом пытается засосать тебя по колено, и полная темнота, в которой каждый куст выглядит как притаившийся людоед.

А еще есть холод. Потрясающий, пронизывающий до костей холод, который заставляет зубы выбивать чечетку, а новорожденную дочь — орать благим матом. Видимо, Клара тоже не в восторге от нашего ночного турпохода.

— Тише, малышка, — шепчу я ей, пытаюсь укутать получше в тонкий плащ. — Потерпи еще немножко. Мама что-нибудь придумает.

Мама что-нибудь придумает. Ха! Если бы мои придумательные способности были хоть на йоту лучше, я бы сейчас не брела по болоту, как сбежавшая сумасшедшая с украденным ребенком. Хотя, технически, ребенок мой. Это меня украли. Из собственной жизни. И выбросили в какую-то средневековую помойку с драконами и прочими прелестями.

Ноги проваливаются в мягкую жижу с мерзким чавканьем, плащ цепляется за колючие кусты, а дочь орет так, словно ее режут на мелкие кусочки. И все это под аккомпанемент совиного улюлюканья и каких-то подозрительных всплесков в темной воде.

— Господи, — бормочу я, споткнувшись о какую-то корягу, — да что же это за жизнь такая?

И тут, словно услышав мою молитву, судьба решает подкинуть мне еще одну радость. Из-за деревьев доносится вой. Не человеческий, не птичий — что-то среднее между воем волка и скрежетом металла по стеклу.

Клара замолкает, словно тоже почувствовав опасность. А я замираю посреди болотной тропинки и прислушиваюсь. Тишина. Потом еще один вой, ближе. И еще.

Прекрасно. Просто великолепно. Мало того что я с младенцем брожу по трясине, так еще и местная фауна решила познакомиться. Интересно, что здесь водится? Волки? Медведи? Или что-то еще более очаровательное из местного бестиария?

Ответ не заставляет себя ждать. Из зарослей выскакивает тварь, которая явно не изучала учебники зоологии. Размером с крупную собаку, но с лапами как у большой кошки, мордой как у волка и глазами, которые светятся в темноте зеленым огнем. И зубы. Господи, какие зубы! Словно кто-то скрестил акулу с бензопилой.

— Милый песик, — говорю я максимально спокойным голосом, хотя внутри все сжимается в комок ужаса. — Хороший песик. Не надо кусать тетю, у тети и так проблем по горло.

Тварь наклоняет голову набок, словно обдумывая мои слова. Потом скалит зубы в усмешке, которая явно означает: «А вот теперь я тебя съем, дорогуша».

И тут со мной происходит что-то странное. Вместо того чтобы закричать или попытаться убежать (что было бы логично), я чувствую, как внутри меня что-то просыпается. Что-то горячее, яростное, первобытное. Как будто в груди зажигается костер.

— А ну-ка пошел отсюда! — рычу я на тварь, и мой голос звучит так странно, что даже сама вздрагиваю.

Чудовище останавливается. В его светящихся глазах мелькает что-то похожее на... удивление? Или страх?

— Я сказала — ПОШЕЛ! — кричу я еще громче, и тут происходит невозможное.

Воздух передо мной раскаляется. Над водой поднимается пар, сухие стебли чернеют. Я в ужасе смотрю на дочь — но под плащом тепло, а не горячо. Жар уходит наружу, словно что-то во мне само отделило ребёнка от угрозы.

Тварь взвизгивает, шарахается назад и удирает в заросли так быстро, что только пятки сверкают. А я стою посреди болота, окруженная облаком пара, и пытаюсь понять, что, черт возьми, только что произошло.

Дочь перестала плакать и сонно моргает. Её щёчка тёплая, дыхание ровное. Я касаюсь губами лба и впервые позволяю себе вдохнуть: не обожгла. Боги, лишь бы не обожгла.

— Ладно, — говорю я ей, отряхивая дымящийся плащ. — Видимо, в этом мире есть не только драконы, но и драконицы. А я, кажется, одна из них.

Неужели во мне действительно есть что-то драконье? Ричард смотрел на меня с презрением, а не со страхом. Если он знал об этой силе, почему выбросил нас так легко?

Интересно, а есть еще какие-нибудь приятные сюрпризы в моем новом теле? Может, я умею летать? Или дышать под водой? Или превращаться в гигантскую рептилию и сжигать своих врагов?

Последняя мысль кажется особенно привлекательной, когда я думаю о лорде Ричарде.

Но пока нужно найти укрытие. Клара снова хнычет, ищет ротиком грудь. Я останавливаюсь на сухой кочке, прикрываю нас плащом и даю ей поест. Получается неловко, больно и страшно: всё время вслушиваюсь в темноту. Дальше идём, когда она наконец затихает.

Мне ещё учиться и учиться. В прежней жизни я читала о младенцах, представляла, как это будет, — но ни одна книга не подготовила меня к кормлению на болотной тропе.

— Ну что, дочка, — бормочу я, прижимая Клару к груди и пытаюсь идти дальше по тропинке. — Будем учиться материнству в полевых условиях. Надеюсь, у тебя крепкие нервы.

Тропинка петляет между кочек и деревьев, и я начинаю думать, что брожу по кругу, когда вдруг впереди замечаю свет. Не яркий, не электрический — мягкое желтое сияние, как от свечи или камина.

Сердце подпрыгивает от надежды. Свет означает людей. Люди означают тепло, еду, возможность накормить дочь. Правда, люди также могут означать неприятности, но после встречи с местной фауной обычные человеческие неприятности кажутся детской забавой.

Я прибавляю шагу, и вскоре передо мной возникают очертания здания. Большого здания. Нет, не просто большого — огромного. Это настоящий особняк, возможно, даже замок, но не такой мрачный и официальный, как резиденция лорда Ричарда. Этот дом выглядит... жилым. Обжитым. Словно здесь действительно живут люди, а не позируют для портретов в золоченых рамах.

Правда, выглядит он также слегка заброшенным. Плющ оплетает стены, некоторые окна заколочены, а сад явно давно не видел садовника. Но свет горит, и это главное.

Я подхожу к массивной входной двери и стучу. Звук гулко разносится по коридорам, и я жду, прижимая дрожащую Клару к груди.

Минута. Две. Три.

Может, никого нет дома? А свет горит сам по себе? Хотя в этом мире не исключено и такое.

Я стучу еще раз, сильнее.

— Есть кто-нибудь? — кричу я. — Пожалуйста, откройте! У меня ребенок!

Наконец слышу шаги. Медленные, тяжелые, словно идет очень старый человек или кто-то, кому лень спешить. Замки щелкают, засовы скрипят, и дверь открывается.

На пороге стоит мужчина лет шестидесяти, в строгом черном костюме, который явно стоил больше, чем весь мой гардероб в прошлой жизни. Волосы седые, зачесанные назад, лицо бледное и аристократично худощавое. Выглядит он как классический дворецкий из англий-

ского фильма — тот тип персонажа, который знает все семейные тайны и никогда не повышает голос.

Он смотрит на меня с выражением человека, который видел в жизни всякое и его уже трудно чем-то удивить. Даже растрепанной женщиной с младенцем, возникшей на пороге посреди ночи.

— Могу ли я вам помочь, мадам? — спрашивает он идеально вежливым тоном.

— Я... — начинаю я и вдруг понимаю, что понятия не имею, что сказать.

Что я скажу? «Я только что сбежала от мужа, который забрал сына и выгнал меня с дочерью»? Или: «Добрый вечер, я умерла под трамваем, очнулась в чужом теле и очень хочу понять, как нам пережить эту ночь»?

— Я ищу убежище, — говорю я наконец. — Мне и моей дочери негде переночевать. Пожалуйста, помогите нам.

Дворецкий внимательно изучает меня взглядом профессионала. Видит грязный плащ, босые ноги, растрепанные волосы. Видит новорожденную девочку, которая жметя ко мне, как последняя надежда на спасение.

— Разумеется, мадам, — говорит он наконец. — Прошу, входите.

Я чуть не падаю от облегчения. Честное слово, готова поцеловать ему руки. Или ноги. Или что угодно, лишь бы нас пустили в тепло.

Холл особняка огромный и величественный, но есть в нем что-то... пустое. Словно дом слишком большой для тех, кто в нем живет. Стены увешаны портретами людей в старомодной одежде, а лестница ведет куда-то в темноту верхних этажей.

— Меня зовут Альфред, — представляется дворецкий, помогая мне снять мокрый плащ. — Я управляющий этого дома.

— Луна, — отвечаю я. — А это Клара.

— Прекрасные имена, — замечает он с тем же невозмутимым видом. — Полагаю, вы промокли и замерзли. Позвольте проводить вас к камину.

Он ведет меня в гостиную, где действительно пылает камин. Тепло обжигает лицо, и я чуть не стону от удовольствия. Клара тоже успокаивается — видимо, тепло действует на младенцев магически.

— Присаживайтесь, мадам, — предлагает Альфред, указывая на кресло у камина. — Я принесу чаю и что-нибудь поесть.

— Альфред, — останавливаю я его. — А чей это дом?

Он замирает у двери и поворачивается ко мне. В его глазах мелькает что-то странное — печаль? Ностальгия?

— Это поместье семьи де Рубин, — отвечает Альфред; голос у него глохнет. — Очень старый род. Последняя признанная наследница умерла при родах двадцать лет назад. Её ребёнка объявили мёртвым. После этого дом так и не дождался новой хозяйки.

При родах. Как удачно.

— А теперь дом пустует? — спрашиваю я, боясь услышать, что нас здесь не оставят.

— Не совсем, — отвечает Альфред. — Согласно завещанию, поместье должно перейти к любому представителю боковых линий рода де Рубин. Но таковых пока не нашлось. Я остался здесь как управляющий, в надежде, что когда-нибудь объявится законный наследник.

— После тех родов архивы запутали, — добавляет он с горечью. — Я пытался искать. Остались только обрывки записей.

Он смотрит на меня с каким-то странным выражением. Словно видит во мне что-то знакомое.

— Мадам, — говорит он осторожно, — не считите за дерзость, но... вы мне напоминаете кого-то из рода де Рубин...

Я моргаю.

— Рыжие волосы, зелёные глаза... — Он смотрит на меня с болезненной надеждой и тут же отводит взгляд. — Простите. Сходство ещё ничего не доказывает. Я принесу чай. И позову женщину из деревни: после родов вам нужна помощь.

Он уходит, а я остаюсь сидеть у камина и обдумывать его слова. Род де Рубин. Рыжие волосы, зеленые глаза. Заброшенное поместье, которое ждет наследника.

Что-то подсказывает мне, что это не случайность. В этом мире ничего не происходит просто так. Если я оказалась именно в этом доме, именно у этого дворецкого, который видит во мне сходство с вымершим родом, значит, судьба снова играет со мной в свои игры.

Ну что ж, поиграем. У меня все равно нет других вариантов.

Альфред возвращается с подносом: чай, хлеб, сыр, мясо. Желудок сводит от голода. Вскоре приходит пожилая женщина из деревни. Помогает мне умыться, осматривает ссадину на ноге, показывает, как удобнее приложить Клару к груди. Я сижу, вцепившись в подлокотник, и едва не плачу от того, что кто-то наконец обращается со мной бережно.

— Альфред, — говорю я, принимая чашку горячего чая, — а что вы знаете о боковых линиях рода де Рубин?

Он поднимает седую бровь.

— Немного. Род очень древний, корни уходят в те времена, когда... — он запинается. — Когда магия была сильнее, чем сейчас.

Магия. Конечно же.

— Какая именно магия? — уточняю я, прижав дочь крепче.

— Говорят, женщины рода де Рубин обладали... особыми способностями. Связанными с огнем. — Он смотрит на меня внимательно. — Но это, конечно, легенды. Остатки этой силы сохранялись и после проклятия; с каждым поколением всё слабее.

Легенды. Ага. Как и мое умение отпугивать чудовищ нагреванием воздуха.

— А что случилось с родом? Почему он прервался? — спрашиваю я, и от тревоги чай кажется безвкусным.

Альфред молчит долго, словно размышляя, стоит ли говорить правду.

— Проклятие, — произносит он наконец. — По крайней мере, так говорят. Триста лет назад на род было наложено проклятие. Женщины теряли способность к магии, становились... обычными. А без магии род де Рубин был обречен.

— Проклятие, — повторяю я задумчиво. — И кто его наложил?

— Этого никто не знает. — Альфред пожимает плечами. — Или не хочет говорить.

Я пью чай и думаю. Проклятый род, потерявший магию. Заброшенное поместье, ждущее наследника. Дворецкий, который видит во мне сходство с древним родом. И я — женщина, которая только что обнаружила в себе способность нагревать воду до появления пара.

Совпадение? Не думаю.

— Альфред, — говорю я, допивая чай, — а если бы объявился наследник рода де Рубин, что бы произошло?

— При подтверждённом родстве — поместье, земли и титул, — отвечает он с осторожной надеждой. — Но документы должен признать королевский герольд. Одного имени недостаточно.

Виноградники. Земли. Титул. И дом, где можно спрятаться от всего мира и растить дочь в безопасности.

— А если этот наследник оказался бы женщиной? С ребенком? — спрашиваю я с отчаянной надеждой.

Альфред улыбается впервые с момента нашего знакомства.

— Тогда поместье получило бы хозяйку, — говорит он. — И у меня снова появилась бы цель в жизни.

Я смотрю на него, потом на Клару, которая мирно спит у меня на руках, потом на огонь в камине.

— Альфред, — говорю я медленно, — а как выглядит фамильный герб рода де Рубин?

Он встает и подходит к камину, где над ним висит щит с гербом. Красный дракон на золотом поле.

Красный дракон.

Я смотрю на герб и чувствую, как что-то щелкает в голове. Не воспоминание — скорее озарение. Отчаянная идея.

— Альфред, — говорю я, и в моем голосе появляется новая нотка — что-то властное и уверенное. Или то, что я надеюсь, звучит властно и уверенно. — Кажется, ваш поиск закончен.

Я делаю паузу, собираясь с духом. Это либо сработает, либо меня выгонят в ту же ночь. Но рисковать стоит — у меня нет других вариантов.

— Меня зовут Луна де Рубин. И это мой дом, — произношу я, скрывая дрожь в коленях.

Слова слетают с губ удивительно легко. Словно я всю жизнь готовилась произнести их. А может, и правда готовилась — просто не знала об этом.

Он смотрит на меня долго и внимательно. Я стараюсь держать спину прямо и не выдать волнения. Неужели он поверит? Или сразу раскусит мою отчаянную ложь?

Наконец Альфред медленно кланяется.

— Добро пожаловать домой, миледи, — произносит он с дрогнувшим голосом. — Позвольте мне надеяться. А доказательства родства мы будем искать вместе.

Облегчение накрывает меня волной. Сработало! Он поверил! Или делает вид, что поверил — но сейчас это не важно. Главное, что у нас с Кларой есть крыша над головой.

И знаете что? Впервые с того момента, как я открыла конверт у клиники, я чувствую, что мы можем выжить. Не знаю как, не знаю, какой ценой. Но можем.

Может, я действительно какая-то дальняя родственница этого рода. Может, мое появление здесь — не случайность, а судьба. А может, я просто хорошо блефую, и мне повезло нарваться на одинокого старика, который готов поверить любой истории, лишь бы в доме снова появилась хозяйка.

В любом случае, сейчас это не важно. Важно то, что у меня есть дом. Есть цель. Есть дочь, которую нужно защитить.

И есть очень интересная фамильная магия, которую мне предстоит изучить.

А лорд Ричард... лорд Ричард пусть пока радуется своей победе. Скоро он узнает, что значит связываться с той, кто называет себя графиней де Рубин. Неважно, правда это или блеф — результат будет тот же.

— Альфред, — прошу я, с трудом удерживая глаза открытыми, — завтра расскажете мне о семье. Всё, что знаете.

На эту ночь с меня хватило чужих жизней. Нужно было сохранить две наши.

Глава 5

Луна

Первую неделю я почти не выходила из спальни. Спала урывками, кормила Клару, училась вставать без головокружения. Альфред приносил еду, женщина из деревни помогала с ребёнком. Лишь на восьмое утро в поместье я проснулась не от боли, а от запаха гари: мне снился Ричард, и край одеяла начал тлеть.

Клара спала рядом в люльке, подальше от кровати. Я первым делом проверила её, перенесла люльку к двери и только тогда позволила себе выругаться. Материнство сбылось невероятным образом, и теперь любое моё движение начиналось с одного: она в безопасности?

— Замечательно, — бормочу я, выбираясь из-под тлеющего одеяла. — Едва освоилась в новом доме, а уже пытаюсь его сжечь. Что со мной происходит?

В дверь деликатно стучат.

— Миледи, — раздаётся голос Альфреда, — завтрак подан. И, простите за беспокойство, но из вашей комнаты идет дым.

— Не входите пока! — кричу я, прижимая к тлеющему краю мокрое полотенце. — Уже тушу. Клара у двери, заберите её, пожалуйста.

Пауза.

— Сейчас, миледи, — отзывается он с заметным облегчением. — И принесу другое одеяло. Это больше не используем.

Альфред — сокровище. Любой другой дворецкий уже вызвал бы пожарную команду. А этот делает вид, что поджигание постели во сне — совершенно нормальная особенность гостей.

Я быстро одеваюсь в платье, которое Альфред тактично оставил на стуле (откуда он его взял — загадка, но размер почти подходит), беру Клару и спускаюсь в столовую.

То, что я вижу, заставляет челюсть отвиснуть до пола.

Поместье де Рубин изнутри выглядит как декорации к фильму о привидениях. Но не к страшному фильму — к комедии. Все здесь одновременно величественно и запущено, роскошно и покрыто пылью.

Люстры висят под потолком как хрустальные медузы, но половина подвесок отвалилась. Гобелены на стенах изображают сцены охоты, но их так изъели моль, что охотники выглядят как швейцарский сыр с ногами. Мебель явно стояла долгое состояние, но сейчас ее можно использовать разве что в качестве дров — очень дорогих дров.

— Впечатляет, правда? — с горечью замечает Альфред, подавая кофе. — За двадцать лет без хозяйки денег хватало только на то, чтобы дом не рухнул.

— Это... атмосферно, — дипломатично отвечаю я, разглядывая портрет какой-то дамы в пышном платье. У дамы рыжие волосы и зеленые глаза, но главное — ее лицо наполовину объедено жучками. Выглядит жутковато. — А кто это?

— Леди Изабелла де Рубин, — отвечает Альфред, смягчаясь. — Жила до проклятия. Если наше предположение верно, одна из ваших далёких прародительниц. Говорили, она могла зажечь свечу одним взглядом.

Могла зажечь свечу одним взглядом. А я пока что могу поджечь только постель во сне. Прогресс налицо.

— А что случилось с поместьем? — спрашиваю я, намазывая масло на хлеб. — Почему оно в таком... э-э-э... состоянии?

Альфред вздыхает так печально, что можно подумать, будто его лично обидели все жучки в доме.

— После смерти последней наследницы деньги кончились, — объясняет он. — Род де Рубин всегда жил за счет виноградников, но без хозяйки магия ушла из земли. Виноград перестал расти, покупатели исчезли, доходы... тоже исчезли.

— Магия ушла из земли? — переспрашиваю я, пытаюсь звучать так, словно для меня это обычное дело.

— Разумеется. Земля де Рубин живет благодаря магии крови. Без наследницы она словно засыпает. — Альфред смотрит на меня с надеждой. — Но теперь, когда вы вернулись...

Теперь, когда я вернулась. Ага. А на самом деле я понятия не имею, как «вернуть магию в землю». Максимум, на что я пока способна — это случайно поджигать вещи, когда злюсь.

— Покажите мне виноградники, — прошу я. — Хочу посмотреть на... наследство.

После завтрака мы выходим в сад. То, что я вижу, можно описать одним словом: катастрофа. Виноградники растянулись на несколько гектаров, но выглядят они как кладбище лозы. Сухие, скрученные растения торчат из земли, словно скелеты доисторических животных. Земля потрескалась и выглядит мертвой.

— Двадцать лет назад это было лучшее вино в округе, — с ностальгией говорит Альфред. — Короли заказывали его для своих свадеб.

Я иду между мертвыми лозами, держа на руках Клару, и пытаюсь представить это место цветущим. Получается плохо. Зато получается представить, сколько работы понадобится, чтобы привести все в порядок.

— А сколько денег осталось? — осторожно интересуюсь я.

Альфред кашляет.

— Ну... немного, — отвечает он с видимым смущением.

— Сколько это «немного»? — настаиваю я, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Хватит на месяц. Может, полтора, если экономить, — признаётся он, отводя взгляд от меня.

Замечательно. Просто прекрасно. Я стала графиней поместья-банкрота с мертвыми виноградниками и дочерью на руках. И еще у меня есть бывший муж-психопат, который держит в заложниках моего сына.

Жизнь определенно налаживается.

— Альфред, — говорю я, поворачиваясь к нему, — а что если я попробую... ну, вернуть магию? Как это делается?

Он загорается, как рождественская елка.

— О, миледи! Это же просто! Нужно лишь прикоснуться к земле и... и... — начинает он с воодушевлением и смущённо замолкает.

— Ну... — он выглядит смущенным. — Честно говоря, я не совсем уверен. В книгах об этом пишут очень поэтично и совершенно непонятно.

Конечно. Потому что древние маги не умели писать инструкции. Все у них «прикоснись к сердцу земли» да «позволь магии течь через тебя». А как конкретно это сделать — фиг вам, разбирайтесь сами.

Но попробовать стоит. В конце концов, что я теряю? Кроме достоинства, если буду выглядеть как идиотка, обнимающая землю.

Я передаю Клару Альфреду (который принимает ее с видом человека, которому доверили королевские регалии) и опускаюсь на колени посреди виноградника.

— Что мне делать? — шепчу я.

— Попробуйте... почувствовать землю? — неуверенно предлагает Альфред.

Почувствовать землю. Ну ладно. Я кладу ладони на потрескавшуюся почву и закрываю глаза. Пытаюсь «почувствовать» что-то кроме холодной грязи под пальцами.

Сначала ничего не происходит. Я сижу на коленках, как дурочка, и мысленно разговариваю с землей:

«Привет, земля. Это я, типа твоя новая хозяйка. Можешь, пожалуйста, ожить? А то у нас тут кризис».

Земля молчит. Видимо, она не в настроении для светской беседы.

Но потом... потом я чувствую что-то странное. Словно под землей течет река, очень глубоко и очень медленно. Холодная река чего-то, что когда-то было живым, а теперь спит.

— О, — выдыхаю я.

Тепло начинает течь из моих ладоней в землю. Не жар, как тогда в болоте, а мягкое, ровное тепло. Словно я грею замерзшего котенка.

И вдруг под моими руками что-то шевелится.

Я открываю глаза и вижу чудо. Из мертвой земли пробивается крохотный зеленый росток. Один. Маленький. Но живой.

— Миледи! — задыхается Альфред. — Это... это невозможно!

— Возможно, — говорю я, глядя на росток с гордостью молодой матери. — Просто трудно.

И правда трудно. У меня кружится голова, руки дрожат, а в животе сосет от голода, словно я не ела три дня. Видимо, магия требует энергии. Много энергии.

— Но это всего один росток, — замечаю я, вставая с колен. — А виноградник огромный.

— Один росток — это начало, — радостно говорит Альфред. — Магия постепенно распространится по всей земле. Нужно только время.

Время. Прекрасно. А денег у нас на месяц.

— Альфред, — говорю я, забирая у него Клару, — мне нужно срочно научиться вести хозяйство. И зарабатывать деньги. Быстро.

— Конечно, миледи. — Он выглядит так, словно я предложила ему покорить мир. — С чего начнем?

— С кухни, — решаю я. — Если я умею поджигать вещи, может, умею и готовить?

Это оказывается ошибкой. Огромной, дымной, чуть не приведшей к пожару ошибкой.

Видите ли, готовка и пиротехника — это очень разные вещи. Когда я пытаюсь «просто немножко подогреть» суп, он закипает так бурно, что забрызгивает весь потолок. Когда пробую поджарить яйца, они превращаются в угольки за три секунды. А хлеб... боже мой, хлеб загорается, еще не успев попасть в печь.

— Может, стоит начать с чего-то менее горючего? — дипломатично предлагает Альфред, тушая очередной пожар мокрым полотенцем.

— Да что же это такое! — в отчаянии восклицаю я. — Почему я не могу просто сварить кашу?

— Миледи, — осторожно говорит Альфред, — а вы пробовали готовить... без магии?

Я останавливаюсь посреди попытки зажечь плиту взглядом.

— Значит, пока без магии, — выдыхаю я, чувствуя себя до обидного глупо. — Обычную кашу я хотя бы не разучилась варить.

— Ну... обычными способами. Огнем. Дровами. Терпением, — объясняет он с осторожным терпением.

Терпением. Я закусываю губу. Дочь проснётся, её нужно будет кормить, а я трачу силы на пожары. Убираю руки от плиты. Сегодня нам нужен завтрак, а не демонстрация дара.

Но я пробую. Развожу огонь в плите по-человечески, ставлю воду кипятиться, засыпаю крупу. И — о чудо! — получается съедобная каша. Правда, пока она варилась, я трижды чуть не взорвала кастрюлю от нервности, но результат засчитывается.

— Видите, миледи? — ободряюще говорит Альфред. — У вас определенно есть кулинарный талант.

Кулинарный талант. Если он так называет способность не спалить кухню во время готовки, то ладно, пусть будет кулинарный талант.

— Альфред, — говорю я позднее, устроив Клару у груди, — нам нужен заработок, пока виноградники восстанавливаются. Что здесь покупают каждый день?

— Что именно, миледи? — спрашивает он, оживившись.

Хороший вопрос. Что может продавать обанкротившееся поместье с новоиспеченной графиней, которая умеет только поджигать вещи?

И тут меня осеняет.

— А что если... что если мы будем продавать мои... способности? — предлагаю я, сама пугаясь нахлынувшего азарта.

Альфред моргает.

— Ну подумайте! — увлекаюсь я. — Я умею нагревать вещи! Может, кому-то нужно что-то расплавить? Или согреть? Или... я не знаю, поджечь?

— Это... весьма оригинальная бизнес-идея, миледи, — замечает он, не вполне скрывая сомнение.

— А еще я могу выращивать растения! — продолжаю я, разгоняясь. — Один росток уже получился! Может, люди захотят купить... особые овощи? Необычные фрукты?

Альфред выглядит так, словно пытается решить, гениальна я или сумасшедшая.

— Думаете, это сработает? — спрашиваю я.

— Миледи, — торжественно говорит он, — в нашем положении сработать должно все. Начнем завтра.

Вечером я сижу у камина, кормлю Клару и планирую свое блестящее будущее в качестве предпринимательницы. Необычные услуги на дому. Нагрев по заказу. Растения на любой вкус.

Возможно, из этого ничего не выйдет, и мы с голоду умрем через месяц. Возможно, я просто безумная женщина, которая играет в графиню и мечтает о невозможном.

Но знаете что? Мне плевать.

Потому что впервые в жизни (в любой из них) я чувствую, что делаю что-то свое. Не для мужа, не по принуждению, не из отчаяния — а потому что хочу. Потому что могу. Потому что у меня есть дочь, которую нужно кормить, и сын, которого нужно вернуть.

— Ну что, Клара, — шепчу я ей, — готова покорять мир вместе с мамой?

Она мирно сопит в ответ. Видимо, согласна.

Тогда начнем.

Глава 6

Луна

К тому времени, когда Кларе исполнилось три месяца, мы научились экономить почти на всём. Альфред продал старую карету и ненужное серебро — иначе первых денег нам не хватило бы. Я понемногу помогала соседям прогревать теплицы, а сама между кормлениями искала способ вернуть сына. Письма в замок оставались без ответа. Посланника разворачивали у ворот; без подтверждённого титула мои жалобы не принимали.

А потом дочь подожгла пелёнку. Просто заворочалась, сердито закричала — и край ткани задымился у меня в руках.

Я стою посреди детской, держу в руках дымящийся кусок ткани и пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит с моей жизнью. Клара лежит в кроватке и выглядит до неприличия довольной собой. словно только что совершила какой-то гениальный научный прорыв.

— Клара, дорогая, — говорю я максимально спокойным тоном, — нормальные дети не поджигают свои пелёнки.

Она радостно гулит в ответ и протягивает ко мне ручки. Маленькие ручки, от которых исходит едва заметное тепло.

— О нет, — шепчу я. — Только не это.

В дверь стучат.

— Миледи, — раздается обеспокоенный голос Альфреда, — все в порядке? Я почувствовал запах дыма.

— Все прекрасно! — кричу я, отчаянно размахивая сгоревшей пелёнкой, чтобы развеять дым. — Просто... проветриваю комнату!

— Проветриваете с помощью огня, миледи? — с тревожной иронией уточняет Альфред за дверью.

Иногда Альфред слишком проницателен для собственного блага.

— Входите, — сдаюсь я.

Дворецкий появляется в дверях, окидывает взглядом дымящуюся детскую и невозмутимо кивает, словно горящие пелёнки — это совершенно обычное явление в приличных домах.

— Огнеупорные ткани, миледи, — говорит он, как будто обсуждает погоду. — В чулане есть несколько рулонов. Прежние хозяйки заказывали их специально.

— Огнеупорные пелёнки? — переспрашиваю я слабым голосом. И тут до меня доходит. — Пойдите... прежние хозяйки? Вы хотите сказать, что... что такое уже было?

— Такие вещи сохранились со времён до проклятия, — объясняет Альфред, тревожно осматривая ладони Клары. — Но одного дневника мало. Позовём Эстер, она знает о драконьих детях больше меня. Нужно понять, почему её так лихорадит.

Холодок пробегает по спине. Неужели мой блеф начинает превращаться в правду? Неужели я действительно...

— Зубки? Ей три месяца! — выдыхаю я, испугавшись собственного предположения.

— По старым записям, первые зубы могли появиться и в этом возрасте, — осторожно отвечает он. — Но это ещё не значит, что причина именно в них.

Термальная активность. Дипломатичный способ сказать «ребёнок всё поджигает».

— А сколько это длится? — с ужасом спрашиваю я.

— Обычно приступы жара стихали за две-три недели, — читает он, хмурясь над дневником. — Но это старые записи. Дождёмся ответа Эстер.

Две-три недели жизни с младенцем-поджигателем. Прекрасно. Просто замечательно. А я думала, что колики — это худшее, что может случиться с новорождённым.

— Альфред, — говорю я, опускаясь в кресло, — принесите мне что-нибудь крепкое. И огнеупорное.

Следующие две недели проходят как в сюрреалистическом фильме. Эстер присылает через Альфреда защитные амулеты и советы для детской. Мы убираем всё горячее, но Клара всё равно умудряется подпалить мою прядь и рукав камзола Альфреда. Стоит ей расстроиться — и над кроватью встаёт дымок.

— Это нормально? — спрашиваю я у Альфреда, глядя на обугленные прутья детской кровати.

— Вполне, — невозмутимо отвечает он, доставая из чулана какую-то металлическую конструкцию. — Вот почему прежние хозяйки заказали железную кровать. Специально кованую. Огнеупорную.

Железная кровать выглядит как клетка для особо буйных заключённых. Но зато не горит.

А ещё Клара... разговаривает. Ну, не совсем разговаривает, но звуки, которые она издаёт, определённо не похожи на обычный детский лепет. Скорее на рычание. Очень милое, младенческое рычание, но всё же.

— Ма-а-а-р-р-р, — говорит она, протягивая ко мне ручки.

— Она пытается сказать «мама»? — с надеждой спрашиваю я у Альфреда.

— Возможно, — дипломатично отвечает он. — Или «огонь». На древнем языке это звучит очень похоже.

Огонь. Очень удобно: любое рычание теперь можно переводить как требование поджечь дом. А я всё-таки надеюсь, что однажды услышу отчётливое «мама».

Но самое интересное начинается, когда я пытаюсь её кормить.

— Осторожно, солнышко, — шепчу я, пробуя дать ей немного жидкой смеси, которую велела приготовить Эстер. — Не торопись.

Клара отворачивается от ложки, сердито фыркает. Капли смеси летят на рукав, ткань начинает дымиться. Я отставляю посуду и прижимаю дочь, стараясь успокоить нас обеих.

— Не нравится? — с сарказмом интересуюсь я. — А что тебе нравится, привередница?

В ответ она указывает маленьким пальчиком на очаг, где весело пылают дрова.

— Нет, — категорично говорю я. — Дрова не едят. Даже особенные дети не едят дрова. Но тут в комнату входит Альфред с подносом.

— Попробуйте это, миледи, — предлагает он, ставя передо мной странную миску.

В миске что-то дымится. Не просто горячее — дымится по-настоящему, как будто внутри тлеют угольки.

— Что это? — с подозрением спрашиваю я.

— Смесь по рецепту Эстер, — отвечает он с осторожной гордостью. — Та самая, из дневника, но приготовленная ею. Зола зачарованного дерева и рубиновая пыль растворены в основе. Она проверила её для леди Клары.

Меня словно током ударяет. Рецепт из старых книг? Для детей де Рубин? Но ведь я... я же просто назвалась этим именем, чтобы получить крышу над головой! Это не может быть правдой!

— Золой? — Голос дрожит. — Вы хотите кормить мою дочь золой?

— Не простой золой, миледи. Магической. Она питает внутренний огонь и помогает контролировать силу, — успокаивает он меня, хотя сам смотрит на миску настороженно.

Внутренний огонь. Как тот жар, который я почувствовала в болотах, когда отпугивала чудовище. Как тепло в руках, когда я оживляла землю...

Питает внутренний огонь. Боже мой, а я думала, что советы о детском питании из интернета — это предел абсурда.

Но Клара, увидев новую смесь, оживает. Она тянет к миске ручки и радостно гулит. Даже пытается есть, чего раньше не делала.

— Сначала покажите её письмо, — требую я, прижимая дочь крепче. — Я должна знать, сколько давать и что делать, если ей станет хуже.

— Разумеется, миледи, — отвечает Альфред с виноватой поспешностью и протягивает записку.

В записке всё расписано: начинать с нескольких капель, обычные кормления не отменять. Я перечитываю её дважды, пробуя каплю сама и только потом подношу ложку к губам Клары. Она облизывает её, затихает и тянется ещё.

За несколько минут она выпивает маленькую назначенную порцию. Жар постепенно слабеет. Ничего не вспыхивает — ни ткань у неё под щекой, ни мои волосы. Я наконец разжимаю плечи.

— Где вы нашли этот рецепт? — спрашиваю я у Альфреда, и в голосе слышится напряжение.

— В дневнике леди Изабеллы. Там много интересных записей о воспитании детей с... особенностями, — отвечает он с бережной гордостью за сохранённые записи.

Леди Изабелла. Та самая с портрета, с рыжими волосами и зелёными глазами. Как у меня. Как у Клары.

— А что ещё там написано? — Мой голос звучит странно, словно я боюсь услышать ответ.

— Про тёплую каменную подложку под матрасом и цельные железные кольца для дёсен, — отвечает Альфред с увлечением. — Эстер велела выбирать такие, чтобы ребёнок не мог их проглотить. А украшения убирать: драконята тащат в рот всё блестящее.

Каждое слово как удар. Неужели то, что началось как отчаянная ложь, оказывается правдой? Неужели я действительно...

— Даже украшения? — Я невольно прикрываю ладонью шею, хотя на мне сейчас ничего нет.

— Особенно их, — вздыхает Альфред. — Блеск привлекает. Но брошь с иглой для ребёнка опасна, как бы крепки ни были его зубы.

Зубы. Острые драконьи зубы у моей дочери. А потом, наверное, и когти — такие, какие я иногда вижу у себя во сне...

— Альфред, — говорю я слабым голосом, — принесите мне тот крепкий напиток. И сделайте его погорячее.

Но знаете что? Несмотря на все эти «особенности», я начинаю привыкать к своей новой жизни. Да, моя дочь поджигает пелёнки. Да, ей готовят магическую смесь и она рычит вместо того, чтобы лепетать. Да, мне приходится носить огнеупорные перчатки, когда я её переодеваю.

Но она моя. Моя странная, тёплая, удивительная дочь. И я бы не променяла её ни на какого «нормального» ребёнка.

К тому же, есть и приятные стороны. Например, мне больше не нужно беспокоиться о том, что Клара замёрзнет ночью. Она сама себя подогревает, как маленькая печка. А когда я держу её на руках, мне тоже становится тепло и уютно.

К концу этого месяца Клара заметно подросла. И первые зубы наконец показались: белые, острые, чуть изогнутые. Я разглядывала их со смесью гордости и ужаса.

— Это нормально? — в который раз спрашиваю я у Альфреда, разглядывая очередной укус на деревянной ложке.

— Абсолютно, — как всегда отвечает он. — Зубы режутся парами. Сначала клыки, потом резцы. К году у неё будет полный комплект.

К году. У обычных детей в год всего несколько зубов, а у моей будет полный рот острых клыков.

— А что дальше? — с ужасом интересуюсь я.

— Дальше начнётся самое интересное, — загадочно улыбается Альфред. — Первые попытки полёта.

— ПОЛЁТА?! — переспрашиваю я, чувствуя, как слабеют колени.

— Ну, не совсем полёта. Скорее, планирования. Обычно с высоких предметов мебели. — Он говорит это таким будничным тоном, словно обсуждает прогноз погоды. — Рекомендую убрать все хрупкие предметы повыше и постелить больше мягких ковров.

Я смотрю на Клару, которая мирно спит в своей железной кроватке, и пытаюсь представить её планирующей со шкафа. Картинка получается... впечатляющая.

— Альфред, — говорю я, — а в том дневнике леди Изабеллы случайно не написано, как воспитывать таких детей, чтобы они не разрушили дом?

— Конечно, написано, — радостно отвечает он. — Там целая глава о том, как обустроить детскую комнату для безопасного развития юных талантов.

— И что там рекомендуется? — спрашиваю я, цепляясь за надежду найти понятное правило.

— Каменные стены, железная мебель, никаких штор и много открытого пространства. А ещё специальная площадка для прыжков, — перечисляет он с деловитым облегчением.

Площадка для прыжков. В детской комнате.

— Альфред, — говорю я, массируя виски, — начинайте переделывать детскую. И закажите ещё огнеупорных тканей. Много огнеупорных тканей.

— Конечно, миледи. А что насчёт железных игрушек? — соглашается он и с тревогой косится на деревянную лошадку.

— Деревянные она будет сжигать, мягкие — рвать когтями. Железные продержатся дольше всего.

Железные игрушки для четырёхмесячного ребёнка. Да, мою жизнь можно экранизировать как комедию абсурда.

Вечером я сижу у камина, качаю Клару на руках и читаю дневник леди Изабеллы. Руки дрожат, когда я перелистываю страницы. Каждая запись — это ещё одно подтверждение того, во что я не хочу верить.

И в то же время — очень хочу.

Записи там действительно интересные. И до ужаса знакомые. Оказывается, дети рода де Рубин развиваются совсем не так, как обычные человеческие детёныши.

«Дорогая моя Эмилия сегодня впервые произнесла слово „огонь“ на трёх языках одновременно, — пишет леди Изабелла. — А потом подожгла гобелен в гостиной, пытаясь показать мне, что она имеет в виду. Пришлось заказать новые гобелены. Огнеупорные».

Как Клара с пелёнками. Точь-в-точь.

Или вот: «Эмилия научилась ходить в восемь месяцев. Правда, ходить по потолку. Пришлось объяснить гостям, что это семейная особенность».

Семейная особенность. А я думала, что просто блефую...

Но самая интересная запись — о первой трансформации:

«Сегодня моей дочери исполнилось два года, и она впервые обратилась. Прекрасный красный дракончик с золотыми глазами! После превращения попыталась съесть брошь и обгрызла край стола. Брошь отобрала. Стол теперь хранит следы первого обращения — муж уверяет, что это семейная реликвия».

Я откладываю дневник и смотрю на спящую Клару. На её рыжие волосики, зелёные глаза с золотыми искорками. На острые зубки, которые так не похожи на обычные детские.

Неужели я не блефовала? Неужели каким-то невероятным образом оказалась именно там, где должна была быть? В доме своих предков?

— Кто я такая на самом деле? — шепчу я в пустоту.

— Ну что, малышка, — шепчу я дочери, — готова удивлять мир вместе с мамой?

Клара открывает глаза — большие, зелёные, с золотыми искорками — и улыбается. Самая обычная детская улыбка. Если не считать острых зубов и лёгкого дымка, исходящего из её ноздрей.

— Ма-а-а-р-р-р, — говорит она и прижимается ко мне.

И знаете что? Пусть это означает «огонь» на древнем языке. Пусть она растёт быстрее обычных детей и нуждается в магической смеси. Пусть мне приходится покупать железные игрушки и огнеупорную одежду.

Она моя дочь. Моё чудо. Моя маленькая драконица, которая согревает меня лучше любого камина.

А всё остальное... всё остальное мы переживём. Как-нибудь.

— Спи, солнышко, — шепчу я, качая её на руках. — Завтра у нас новый день. Новые приключения. И, скорее всего, новые пожары.

Но это уже детали.

Глава 7

Луна

Лесные прогулки с четырехмесячной дочерью — это как русская рулетка, только вместо пули у тебя в руках маленький вулкан в памперсах, который может вспыхнуть в любой момент. А сегодня к обычному набору развлечений добавилось ещё одно: я умудрилась заблудиться.

Стою на тропе перед развилкой: три ответвления, одно другого неприметнее. Клара недовольно сопит на руках, а я пытаюсь вспомнить, откуда пришла. Кажется, моя способность находить неприятности опять обогнала здравый смысл.

Внезапно из кустов доносится детский плач — тонкий, отчаянный, затихающий. Звук, который пробирает до костей и заставляет материнские инстинкты подниматься на дыбы, как разъярённых ежей.

— Вот незадача, — выдыхаю я. — Клара, детка, мы попали в очередную заварушку.

Моя дочь смотрит на меня с выражением глубокого философского спокойствия. Видимо, за четыре месяца жизни со мной она уже привыкла к тому, что мамы прогулки редко обходятся без приключений цвета хаки.

Иду на звук плача, как мотылёк на огонь — и с таким же печальным предчувствием финала. Вскоре нахожу источник: маленькая девочка лет семи сидит под дубом, размером с небольшой многоквартирный дом, и держится за ногу. Вокруг неё лужа крови, которая выглядит настолько драматично, что впору вызывать не скорую, а сразу морг.

— Милая, что случилось? — спрашиваю я, подходя ближе и стараясь не поскользнуться на собственном адреналине.

Девочка поднимает на меня глаза, полные слёз и ужаса. Личико бледное, как первый снег, волосы тёмные, как мои перспективы, и взгляд такой взрослый, что хочется спросить у неё совета по жизни.

— Большой зверь укусил, — шепчет она голосом, который дрожит, как осиновый лист на ветру. — С жёлтыми глазами, как фонари.

Осматриваю рану и чуть не глотаю собственный язык от ужаса. Глубокие рваные раны на голени, из которых кровь течёт, как из прохудившегося крана. Без срочной помощи девочка протянет максимум час.

— Как тебя зовут, храбрая? — спрашиваю, разрывая подол юбки на импровизированные бинты.

— Лили, — отвечает она и хватается за руку с силой утопающего за соломинку. — Не бросайте меня, пожалуйста. Я боюсь умирать одна.

И тут что-то внутри меня ломается и перестраивается. Семилетний ребёнок просит не дать ему умереть в одиночестве, и все мои проблемы внезапно кажутся мелкими, как блохи на спине слона.

Я осторожно укладываю Клару на расстеленный плащ рядом со своими коленями, прижимаю ткань к ране девочки и закрываю глаза. Пытаюсь нащупать то тепло, что уходило в виноградник. Только теперь его нужно направить в маленькое тело, которое вздрагивает под моими руками.

Сначала ничего. Потом покалывание в пальцах, словно слабый электрический ток. Затем тепло — мягкое, живое, почти разумное — начинает течь из моей груди к рукам, как расплавленное золото по жилам.

— Ваши руки такие горячие! — удивляется Лили.

Под моими ладонями творится чудо, которое противоречит всем законам биологии и здравого смысла. Рана затягивается, как молния наоборот — медленно, но неумолимо. Кровь перестаёт течь, края разрывов соединяются, кожа розовеет и разглаживается.

Через пять минут от ужасной раны остается только тонкий розовый шрам, как напоминание о том, что медицина — это не только таблетки и скальпели.

Я убираю руки и покачиваюсь, как пьяная. Голова кружится, будто я катаюсь на карусели в парке развлечений для мазохистов. В животе урчит так громко, что можно подумать, будто внутри проснулся голодный медведь.

— Как вы это сделали? — шёпотом спрашивает Лили, ощупывая место бывшей раны.

— Честно? Понятия не имею, — признаюсь я, опускаясь на траву, пока ноги окончательно не подкосились. — Видимо, у меня есть скрытые таланты.

Девочка пробует подняться, но я удерживаю её за плечо. Рана закрылась, а потерянная кровь никуда не делась. Лили всё ещё бледна, губы дрожат. Мы остаёмся сидеть, пока из леса не доносится голос.

— Вы волшебница! — говорит она с таким восторгом, будто я только что вытащила из шляпы розового единорога.

— Если бы я была волшебницей, — отвечаю я, — то первым делом наколдовала бы себе инструкцию по применению к собственным способностям.

— Лили! — раздаётся голос из чащи, такой обеспокоенный, что птицы взлетают с деревьев. — Лили, где ты, дитя моё?

— Бабушка! — кричит девочка в ответ. — Я здесь! И я не умерла!

Из леса выходит женщина, при виде которой у меня по коже бегут мурашки размером с тараканов. Высокая, как каланча, худая, как мачта, с седыми волосами до пояса и глазами цвета зимнего льда. Одетая во всё чёрное, в руках посох с резными символами, на которые больно смотреть.

Классический образ лесной ведьмы из учебника «Как напугать путешественников за пять минут». Единственное, чего не хватает — это кота и метлы.

Женщина окидывает взглядом картину: бледную девочку с перевязанной ногой, меня с трясущимися руками, Клару, которая с научным интересом изучает новоприбывших.

— Лили! — выдыхает женщина, опускаясь перед внучкой на колени. Ощупывает окровавленный подол, проверяет ногу, резко оборачивается ко мне. — Вы её исцелили?

— Она меня спасла! — восторженно докладывает Лили. — Положила руки на рану, и та зажила, как по волшебству!

Ведьма — а сомневаться в её профессии уже не приходится — смотрит на меня с выражением коллекционера, наткнувшегося на редкую бабочку.

— Любопытно, — наконец произносит она. — Весьма любопытно.

— Что именно вас так заинтересовало? — спрашиваю я, стараясь не выдать нервозности.

— То, что вы использовали кровяную магию для исцеления, не имея ни малейшего понятия о том, что делаете, — отвечает ведьма с тревожной строгостью.

— Кровяную магию? — У меня пересыхает во рту. — Я никого не резала!

— Не чужую кровь, голубушка. Свою собственную. — Ведьма подходит ближе, и я чувствую исходящую от неё силу, как тепло от костра. — Вы отдали часть своей жизненной энергии этому ребёнку. Благородно, но крайне неосмотрительно, если не знать, как правильно восстанавливаться.

Жизненная энергия. Вот почему я чувствую себя, как выжатый лимон в руках неопытного бармена.

— Я не знаю, как правильно что-либо делать, — признаюсь я. — У меня вообще нет понятия, что со мной происходит.

Ведьма улыбается, и улыбка эта совсем не страшная. Скорее... понимающая.

— Позвольте представиться. Эстер Морнингстар. А вы, если я не ошибаюсь, леди де Рубин, — представляется она, уже смягчившись.

Я чуть не роняю Клару от удивления.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю я, не сумев скрыть испуг.

— Дорогая, я живу в этих лесах уже семьдесят лет. Думаете, я не почувствую, когда красная магия снова проснётся в этих землях? — Эстер подходит к Кларе и заглядывает ей в глаза. — А это, полагаю, ваша дочь? Очаровательное дитя. И какие интересные глаза...

Клара смотрит на ведьму и вдруг улыбается. Не обычной детской улыбкой — а таким образом, словно узнаёт старого друга.

— Ма-а-а-р-р-р, — говорит она, протягивая к Эстер ручки.

— «Огонь» на древнем языке, — переводит ведьма с улыбкой. — Умная девочка. Уже знает, кто она такая.

— А кто она такая? — с отчаянием спрашиваю я. — И кто я такая? Потому что честно — у меня больше нет сил притворяться, что я всё понимаю!

Эстер задумчиво смотрит на меня.

— Идёмте ко мне. Там поговорим. И я расскажу вам кое-что о вашем роде, — предлагает Эстер, с сочувствием разглядывая мои дрожащие руки.

Дом Эстер оказывается именно таким, каким должен быть дом лесной ведьмы. Небольшая избушка в глубине леса, увешанная пучками трав, заставленная банками с непонятными ингредиентами и освещённая свечами, которые горят разноцветными огоньками.

— Садитесь, — предлагает Эстер с тревожной заботой. — И ты, Лили, к печи. Я принесу чай.

Лили, укрытая пледом, сидит на лавке у печи. Чай разливает Эстер. Я устраиваюсь с Кларой в кресле и пытаюсь собраться с мыслями.

— Эстер, — говорю я, когда Эстер подаёт мне дымящуюся чашку, — расскажите мне правду. Кто такие де Рубин? И почему все вокруг ведут себя так, словно знают о них что-то особенное?

Ведьма садится напротив и какое-то время молчит, изучая мое лицо.

— Род де Рубин, — наконец начинает она, — один из древнейших драконьих родов. Возможно, самый древний. Ваши предки правили этими землями ещё до прихода людей.

— Драконьи роды? — голос дрожит.

— Разумеется. Драконы — не просто звери, дорогая. Это отдельная раса, способная принимать человеческий облик. И красные драконы всегда были самыми могущественными.

Я пью чай и пытаюсь переварить информацию. Драконы. Раса. Человеческий облик. Моя жизнь официально превратилась в фэнтезийный роман.

— Но триста лет назад, — продолжает Эстер, — на род было наложено проклятие. Женщины потеряли способность к трансформации, их магия ослабла, связь с драконьей природой прервалась.

— Кто наложил проклятие? — спрашиваю я, чувствуя тяжесть в груди.

— Совет чёрных драконов. Они испугались силы красных и решили их ослабить. — Глаза Эстер сверкают гневом. — Подлые твари использовали запретную магию крови и связали проклятие с самой землёй.

— Род начал вырождаться. Женщины рождали всё меньше детей, магия слабела, земли приходили в упадок. — Эстер смотрит на Клару, которая мирно спит у меня на руках. — Последняя известная наследница умерла двадцать лет назад. Все думали, что род прервался навсегда.

— Но я... — начинаю я и замолкаю.

— Но вы появились, — заканчивает за меня Эстер. — С ребёнком, который явно несёт в себе драконью кровь. И с силой, которая пробуждается с каждым днём.

— Эстер, — шепчу я, — а что если я не де Рубин? Что если я просто... обманываю всех?

Ведьма встаёт, подходит ко мне и кладёт ладонь мне на лоб. Я чувствую лёгкое покалывание, словно слабый электрический разряд.

— Интересно, — бормочет она. — Очень интересно.

— Что интересно? — не выдерживаю я, встревоженная её молчанием.

— В вас несомненно есть кровь де Рубин, — говорит она, убирая руку. В её взгляде мелькает тревога. — Но пробуждение необычное. Словно что-то оборвало старый узел изнутри.

— Ваша магия... она словно спала долгое время. И проснулась совсем недавно. Словно вы долго жили как обычный человек, а потом внезапно вспомнили, кто вы на самом деле, — объясняет она с задумчивой осторожностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.